

В. А. ЛАТЫШЕВА

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 И 1926 ГГ.: ПРИЗНАКИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ БЕЛОРУСОВ

Изменения в обществе, связанные с ходом исторического процесса, затрагивали каждого отдельного человека. В конце XIX — первой четверти XX в. стремительно развивался индивидуализм, что сказывалось на самоидентификации личности. Как отмечает в своих работах Р. Радзик, «такому развитию более всего способствовало латинское вероисповедание (главным образом протестантизм), чем православное, быстрое развитие капитализма, чем существование пережитков феодализма, многочисленный слой мещан (во главе с буржуазией), чем крестьянство (во главе со шляхтой)»¹.

Рассмотрение этнического состава требует учета ряда факторов. Но прежде всего определимся в части все еще спорного использования данных языковой и конфессиональной принадлежности для определения этнического состава населения применительно к 1897 г. Уже в вышедшей в 1929 г. статье Г. И. Горецкого «Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 года» ставилась под сомнение подобная идентификация².

Среди суждений о языковом критерии наиболее распространены два. Во-первых, это явная некорректность определения этнической принадлежности населения Российской империи. Признак «родной язык» фактически являлся показателем «грамотности», которая выявлялась путем постановки вопроса об умении читать по-русски, или на других языках при неспособности респондента читать на русском языке. Во-вторых, не делалась (не давалась) поправка на государственную национальную политику того времени.

Необходимо отметить, что такой подход был обусловлен не только реалиями Российской империи, где процессы формирования устойчи-

134

вой этнической идентичности были далеки от завершения, но и требованиями международных организаций, в частности Международного статистического конгресса. Подобный способ определения этнической принадлежности практиковался и в других странах Европы³.

Признавая правомерность указанного подхода, обратимся к имевшим место факторам. На переломе XVIII—XIX вв. белорусские земли переживали последствия многочисленных войн, в результате которых было разрушено большое количество городов и резко уменьшилась численность городского населения, практически исчезло этническое белорусское купечество, ранее богатая и численно весомая часть общества. Вместе с тем «полонизация верхов общества, — как отмечал М. О. Бич, — лишила белорусский этнос и национальной интеллигенции. Происходила фольклоризация белорусской культуры, так как ее единственным хранителем и творцом оставалось крестьянство и часть горожан, а также низшее духовенство и часть шляхты, более близкой по своему быту к крестьянам»⁴.

Несомненно, на белорусских землях сказывалось польско-католическое наследие. Основная часть аристократии, белорусской по происхождению, считала себя наследницей былой могущественной Речи Посполитой, ее культуры и религии. В 60-е гг. XIX в. большинство местных помещиков, белорусов по крови, относили себя к полякам. С другой стороны, довлела политика Российского государства, направленная на непризнание белорусов как отдельного народа и унификацию белорусских земель с центральной Россией. Русификация развернулась после восстания 1830—1831 гг. и особенно восстания 1863—1864 гг. В противовес польскому влиянию чиновничий аппарат на белорусских землях обновлялся за счет выходцев из центральных губерний империи. Увеличивалось количество русских помещиков, доля их землевладений. Заметно усилилось влияние русского элемента на формирование внутренней этноконфессиональной структуры белорусских земель.

Нельзя не учитывать и обстоятельства юридического характера. Начиная с 1772 г. правительством Российской империи был принят ряд законодательных актов относительно еврейского населения, мест его проживания. Была создана «черта еврейской оседлости», на восток от которой евреи не могли селиться. Более того, даже в границах этого региона им разрешалось жить только в городах и местечках. Последующие законодательные акты усиливали эту концентрацию. Подобная политика ограничивала влияние белорусского элемента в городах.

135

Тем не менее белорусы, по данным переписи 1897 г., были четвертыми по численности, после русских, украинцев и поляков, и составляли 4,6 %⁵. В Беларуси белорусскоязычное население составляло 73,3%.

Второе место принадлежало языку иудеев, — 14 %. Русскоязычное население составило 4,3 %, польское — 2,4 %. Правда, количество поляков оценивается по-разному: польские исследователи считают их количество (156,5 тыс. человек) заниженным. Основываясь на таком предположении, историографическая традиция Польши рассматривает перепись как фальсификацию⁶.

На составе населения сказывался фактор приграничья. Он отчетливо прослеживается, например, в Витебской губернии. Здесь зафиксирован наибольший удельный вес русскоязычного населения — 9,9 %. Для сравнения, в Гродненской губернии этот показатель составил 4,3%, Минской — 3,9 %, Могилевской — 3,4 %, в Виленской — 2,6 %. В Гродненской губернии была зафиксирована самая большая группа населения, которая по родному языку вошла в категорию «другой» — 27,5 %.

Примечателен и тот факт, что именно в Минской губернии, этой, в нашем сознании, центральной части белорусских земель, был зафиксирован наибольший удельный вес польскоязычного населения — 3 %. В Могилевской губернии он был равен всего лишь 1 %, в двух других — более оптимальным — 2,5 % в Витебской и 2,8 % в Виленской губерниях. Такой показатель, скорее, говорит о том, что влияние польской культуры и католической церкви — явление не только «приграничного» характера (как, например, в отношении Гродненской губернии, граничившей с украинскими землями). Следует иметь в виду и миграционные процессы и, более того, определенную историческую обусловленность.

Что же касается конфессиональной принадлежности, то следует признать (по результатам переписи), что для жителей белорусских земель более традиционным стало исповедовать православие. Православными признало себя 70,8 % населения края. Наибольший удельный вес православных был зафиксирован в Могилевской губернии — 83,1 %, несколько больше, чем признававших белорусский язык своим родным (82,4 %). Население Виленской губернии менее всего поддерживало общую для белорусских земель православную традицию: здесь оказалось 41,4 % православных и 80,2 % белорусскоязычных.

У представителей русского этноса различие между вероисповеданием и родным языком было минимальным.

Второй по распространенности религией среди жителей белорусских земель был иудаизм: его исповедовало 14,1 % населения края. Одной из причин такого высокого показателя была религиозная терпимость жителей Беларуси по отношению к другим этносам. Случаи притеснений на религиозной почве среди населения здесь были редким явлением.

Для евреев, исповедовавших иудаизм, характерным было соответствие этого показателя показателю родного языка — 14,0 %. Самоидентичность евреев уже имела вековую традицию. У них четко прослеживается отождествление себя со своим этносом и его религией, которые для них неотделимы. Закрытость системы еврейских общин, сохранение своей культуры на любом этническом пространстве, традиционность и приемлемость религиозной структуры (службы в синагогах проводятся только на родном языке, в какой бы стране мира они не были расположены) нашли свое отражение в отмеченных показателях.

Римско-католическая церковь, по итогам переписи 1897 г., была третьей по количеству граждан, исповедовавших католицизм на белорусских землях. Их было несколько меньше, чем иудеев, — 13,5 %. Принадлежность к римско-католической церкви в большинстве случаев не была для белорусов основой их самоидентификации с польским этносом. Так, в Виленской губернии 46,1 % ее населения считали себя католиками, однако польский язык признавало родным только 2,8 %. В Минской губернии перепись зафиксировала 10,1 % католиков и только 3 % польскоязычных.

Ряд факторов способствовал сохранению определенного количества католиков на белорусских землях. Православная и католическая церковь исповедуют христианство, то есть одну религию. Земли Беларуси долгое время испытывали влияние как одной, так и другой церкви. Религиозно-политические разногласия не стали камнем преткновения для жителей одной этнической группы на заданной территории. В ходе исторического развития белорусских земель можно было наблюдать единение двух конфессий. Примером является долгое стремление к униатской церкви. Только в 1839 г. она была упразднена, и большинство униатов переведено в православие.

Легко прослеживается взаимосвязь между количеством католического населения и политикой, проводимой государствами. «Польское правительство всеми силами насаждало католичество. Российское правительство во все времена отождествляло католичество с польскостью

и прибегало к различным методам, чтобы упразднить эту ветвь христианства или максимально осложнить ее деятельность»⁷.

При этом правительство действовало по средствам законодательных ограничений, а не путем разжигания национальной или конфессиональной неприязни. Такая политика не мешала росту основных конфессиональных групп населения. Для сравнения, согласно данным Е. Ромера, было зафиксировано увеличение численности католиков в большинстве уездов по трем рассмотренным им белорусским губерниям: Виленской, Гродненской, Минской⁸.

Рассмотренные факторы становления и структуры этничности позволяют говорить о большом влиянии в белорусском регионе цивилизации, к которой относился русский народ, а также о западной культуре польского образца. Что же касается евреев, занимавших второе место по количеству населения в белорусских губерниях, то в силу замкнутости их культурного пространства и государственной политики они не могли оказывать того влияния на регион, какое исходило от русского или польского народов. Земли белорусских губерний являлись полиэтничным пространством. Здесь, по переписи 1897 г., происходил процесс самоидентификации белорусов на своей этнической основе.

Перепись 1926 г. внесла достаточную ясность в вопрос о численности и составе населения страны. Она отразила происходившие в то время процессы этнической консолидации, т. е. объединение близких по происхождению и языку родоплеменных, локально-этнографических, религиозных и других групп. В ней зафиксированы почти все учетные категории населения по этническому признаку.

Новая всеобщая перепись населения (в Польше она проводилась в 1931 г.) в условиях, когда Советское государство признало за каждым народом и его этническую территорию, на которой предоставлялось право на их свободное развитие. Следствием этой свободы стало проведение политики белорусизации. В то время, отмечает П. Эберхардт, и с этим нельзя не согласиться, государственную политику более всего характеризовала тенденция к развитию национальных особенностей, чем направленность на «единство» народов⁹. Она отчетливо проявлялась в постановке вопроса о народности вместо национальности в целях выявления детальной картины этнического состава населения. Более того, это позволяло снять определенную долю спекулятивных инсинуаций на национальной почве. Национальная принадлежность определялась на основе таких признаков, как «народность» и еще

«родной язык», которые выявлялись по показаниям опрашиваемого лица. В случаях затруднения с ответом на вопрос о народности следовало отдавать предпочтение народности матери. Термин «народность» указывал, по мнению организаторов переписи, на происхождение, которое определяли сами респонденты.

Ценность этих показателей снижается из-за неглубокой разработки итогов переписи, недостаточного количества представленных комбинационных таблиц, когда большинство ее результатов фиксируется по таким административным единицам, как округа. Как справедливо было замечено после издания коротких сводок переписи населения в 1928 г.,

«...из-за смены административных границ результаты переписи 1926 г. почти совсем невозможно сравнить с единственной всеобщей переписью 1897 г.», и высказано пожелание ЦСК (ЦСУ) Беларуси организовать «хоть некоторые пересчеты результатов переписи 1926 года..., которые заслуживают самого большого внимания, широкой популяризации и использования для научных и практических целей»¹⁰. Однако в условиях свертывания политики белорусизации, перестройки государства на более жесткие методы управления этническое разнообразие, а тем более его углубленное научное изучение, уже не отвечало задачам нового цикла в жизни страны. Политика государства была направлена на установление единообразия, против поддержки всевозможных форм разнообразия.

Тем не менее, даже основываясь на предложенных государством результатах переписи, можно проследить национальные особенности регионов страны, в т. ч. БССР. Указанные недостатки не мешают и выявлению основных демографических и социально-экономических тенденций трансформировавшегося белорусского общества в первой трети XX в. Так, рассмотрение данных переписи показывает, что наибольшая доля коренного этнического населения приходилась на Калининский округ — 97,6 %, затем шли Могилевский, Слуцкий, Оршанский, Минский, Бобруйский, Борисовский, Полоцкий, Витебский, Мозырский округа, где проживало от 88,5 до 96,3 % белорусов [4]. Меньше всего белорусов оказалось в присоединенных накануне проведения переписи Речицком и Гомельском округах — соответственно 65,9 и 56,9 %.

Отметим, что всего, согласно данным уже переписи 1926 г., на территории БССР проживало 80,6 % белорусов, 8,2 % евреев, 7,7 % русских, 2 % поляков, 0,7 % украинцев и 0,8 % лиц других народностей. Национальная структура белорусского общества не изменилась, одна-

ко претерпели изменения численность и удельный вес национальностей в ее составе.

Напомним, что на момент проведения этой переписи Беларусь была охвачена политикой белорусизации, когда, казалось бы, должен быть зафиксирован довольно высокий удельный вес белорусского населения по сравнению с годами «русификаторской политики царской России». Его рост мог быть продиктован и пробуждением чувства национальной гордости. Однако даже в таких условиях доля белорусов по сравнению с предыдущей переписью возросла только на 2,4 % (в 1897 г. она равнялась 78,2 %). На наш взгляд, этот факт может свидетельствовать о фиксации уже переписью 1897 г. белорусского населения, самоидентифицировавшего себя со своим этносом. Устойчивость идентификации как феномен и зафиксировала перепись 1926 г.

Относительно небольшое изменение количества белорусского населения опровергает измышления, в

большей мере в польской историографии, по поводу данных удельного веса национальностей, представленных в переписи 1897 г. По крайней мере в Беларуси количество поляков, вероятнее всего, не было таким уж сфальсифицированным, каким его пытаются представить польские авторы. Они и сами в большинстве своем признают объективность переписи 1926 г., которая не зафиксировала большого расхождения в рассматриваемых данных. Конечно, можно указывать и на факт различия между территориями, представленными переписью 1897 г. и переписью 1926 г. Однако, на наш взгляд, перепись 1926 г. отразила тенденции, которые могут быть общими для всех белорусских территорий, что подтверждают и результаты применения количественных методов.

Интерес представляет и тот факт, что количество поляков сократилось незначительно. В 1897 г. их удельный вес был равен 2,4 %, а в 1926 г. — 2,0, т. е. уменьшился только на 0,3 %. И это уже без учета Западной Беларуси и после широкого процесса репатриации и переселения польского населения из центральной и восточной Беларуси. Большая часть польской интеллигенции, владельцев земли и других собственников покинула территорию, которая стала советской Беларусью. Правда, одновременно происходил естественный прирост польского населения. Вышеприведенный факт может свидетельствовать лишь об устойчивости польского этнического элемента на белорусских землях. Исторически сложившееся польское присутствие в белорусском регионе восстанавливалось после череды социальных катаклизмов.

В более значительной степени сократилось количество еврейского населения. Если в 1897 г. оно составляло 14,2 %, то в 1926 г. — только 8,2 %. Конечно, в основном это было связано с миграционными волнами, начавшимися со времени Первой мировой войны. Более того, глубоко осмысливая этот факт, логично предположить влияние по крайней мере двух особенностей жизни евреев. Во-первых, еврейская культура из-за ее религиозных мотивов в принципе не могла быть органичной частью того или иного европейского региона, как, скажем, русская или польская в Беларуси. Она периодически вызывала определенного рода отрицание, будь то черта еврейской оседлости либо этническая неприязненность, особенно в условиях военных действий в регионе. Во-вторых, на протяжении всего XX в. отмечалось немало миграционных волн евреев. Их переселения чаще всего происходили в довольно «открытые» периоды жизни общества, такие как нэповский в 1920-е гг. или перестроечный в 1980-е гг.

Интерес представляет и возросший в 1,6 раза удельный вес русского населения. В период имперской «русификации края» в конце XIX в. он составлял 4,9 %, а в Советском Союзе, несмотря на политику белоруссизации, — 7,7 %. Этот факт можно объяснить тем обстоятельством, что, с одной стороны, царская политика в регионе реализовывалась посредством увеличения главным образом доли чиновничьего аппарата из русских, с другой стороны, сказывалась аграрная перенаселенность края и отсутствие здесь крупных промышленных центров, что замедляло миграционные процессы русского населения на белорусские территории.

Но вернемся к такому признаку национальной самоидентификации личности, как родной язык. Во всех советских переписях, начиная с переписи 1926 г., приводятся данные о родном языке. При этом понимание «родного языка» уже стало далеко не однозначным. Его могли представлять как тот первый язык, на котором научился говорить респондент и которым он свободно владеет. В то же время родным языком респонденты нередко могут признавать язык своей этнической общности, хотя и не владеть им или владеть в ограниченной степени. Значит, установить количество лиц, реально владеющих тем или иным языком и уровень функционирования этого языка в обществе на основании данных о признании того или иного языка родным практически сложно. Переписи не фиксируют уровень реального владения языком, распределение говорящих по возрастным группам, а также раз-

личия в степени сохранения родного языка в отдельных локальных группах¹¹.

Поучителен в этом отношении последний опыт Российской Федерации, где, учитывая указанную особенность вопроса о родном языке, разработчики опросного листа пошли иным путем. Вопрос о языках в переписи 2002 г. касался лишь владения языками, но не родного языка. А как же будет (если будет вообще) сформулирован «языковой» вопрос в предстоящей переписи населения Беларуси, намеченной на 2009 г.? Если в России этот вопрос связан с большим количеством этнических групп, проживающих на ее территории, то в Беларуси «вопрос языка» актуален в смысле «присуждения» ему европейским сообществом еще в 90-е гг. XX в. статуса исчезающего.

¹ Радзiк Р. Самаiдэнтыфікацыя беларусаў і украiнцаў: падобнае і адрознае // ACLS Annual Regional Meeting of the Humanities Program in Belarus, Russia, and Ukraine. Minsk, 2003. С. 49—51.

² Гарэцкі Г. Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 году // Польша. 1929, май. С.77—103.

³ *Тихомиров А. В.* Украинцы и белорусы: сравнительный анализ формирования наций на фоне истории Центрально-Восточной Европы XIX — начала XX в. // *Перекрестки*. — 2004. № 1—2. С. 10—32.

⁴ *Біч М. В.* Нацыянальны склад прамысловага пралетарыяту Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст. // *Весці АН БССР. Сер. грамад. навук*. 1972. № 4. С.5—13.

⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Изд. Центр. стат. ком. Министерства внутренних дел. Предварительные итоги. СПб.: Слово, 1898. С. 6.

⁶ *Эбэрхардт П.* Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі. 1897—1989. Берасьце : Беларускі Фонд Сораса, 1997. 282 с. С. 23.

⁷ *Эбэрхардт П.* Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі. 1897—1989. Берасьце : Беларускі Фонд Сораса, 1997. 282 с. С. 33.

⁸ *Romer E., Szumanski T.* Мара etnograficzna Ziemi Wschodniej (Polska, Litwa i Białorus). Lwów, 1920. 58s. С. 25-26.

⁹ *Эбэрхардт П.* География населения России: пер. с польск. СПб., 2003. С.89.

¹⁰ *Гарэцкі Г.* Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 году // *Польмя*. 1929, май. С.77—103.

¹¹ *Борисов В. А.* Демография. М.: NOTA BENE, 1999. 269 с. С. 160-164.